

Ершов М. Ф.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири

Images of frontir at colonization of North America and Siberia

УДК 94(7); 94(57); 325

Аннотация. В статье анализируются культурные аспекты формирования образов фронта. Для Северной Америки была характерна привычная хронологическая смена образов. В Новом свете городская цивилизация постепенно вытесняла маргиналов. В образах Сибири, напротив, долгое время доминировали негативные и инфантильные черты. Места святости здесь располагались вне городов. Данные обстоятельства усилили исторические различия двух регионов.

Summary. The article offers an analysis of some cultural aspects of frontier images forming. The images of North America referred to a customary chronological change of the images. In the New World the urban civilization steadily replaced the marginal groups. On the contrary, Siberian images were dominated by negative and infantile features for a long period of time. Sacred places were located at some distance from towns and cities. These circumstances contributed a great deal to the historical distinction of each of the two regions.

Ключевые слова: фронтир, образ, миграция, колонизация, маргинал, переселенец, город.

Keywords: frontier, image, migration, colonization, marginal, migrant, town.

Греки распространяли эллинизм среди варваров, римляне были одержимы расширением Империи, европейцы несли бремя белого человека и идею создания Дома Господня в Новом Свете, часть русских со временем стала жаждать спасения в необъятных просторах Сибири. Тривиально, но любая колонизация нуждается в общественном осознании. По нашему мнению, это осознание было опосредованно связано с побудительными мотивами, господствующими стереотипами и пространственными структурами. Разрешение вопросов, как осмысливали и как осмысливают люди пространство своего проживания, чрезвычайно сложно и требует изощренных исследовательских практик.

Поэтому цель настоящей публикации заключается в выяснении специфических черт данной взаимосвязи. Применительно к отечественной истории по-прежнему особо значимым остается изучение культурных аспектов присоединения и освоения Сибири. Ее колонизация являлась процессом глобального масштаба. По своему размаху она была вполне сопоставима с переселенческим движением жителей Западной Европы в Новый Свет. Именно этим обстоятельством порожден соблазн провести сравнительный анализ мышления колонистов в Северной Америке и Сибири. Основная проблема – понять, как эти переселенцы, прибывшие на новое место жительства со своим ранее обретенным культурным багажом, могли воспринимать и оценивать уже новые, непривычные для них реалии.

Анализ данного противоречия отчасти облегчается использованием широких культурных сравнений. Заметим, что обязательным условием для сопоставления разнородных явлений является выделение их сущностных свойств. И лишь затем, после получения предварительных ответов, возможно выведение последующих обобщений. Частично данная проблематика уже освещалась в наших публикациях [3; 4]. Относительно конкретных колонизационных процессов допустимо поставить следующие вопросы: «каково же было соотношение между различными элементами культуры переселенцев?», «какие же элементы культуры занимали у колонистов господствующее положение?»

Наличие аналогий между Сибирью и Северной Америкой далеко не случайно. Хронологическая близость их колонизационного старта дополнительно подкрепляется некоторой схожестью природно-географических условий. И действительно, движение «встреч солнцу»

по просторам Сибири было в чем-то сродни освоению Дикого Запада в Америке. Там и там происходили встречи прибывшей и местной культур. Они сопровождалась насилием и, соответственно, относительным разграничением враждующих социумов.

Эта граница, лишенная стабильности, получила название «фронтир». В данном термине одновременно присутствуют военно-политическое и социокультурное смысловое наполнение. В Северной Америке фронтир был предельно конкретным. Это линия фортов для защиты колонистов. Она наглядно воспринималась как предел продвижения пришельцев вглубь континента на данный момент. Понятие фронтаира принадлежит Ф. Тернеру, определившему его «точкой встречи дикости и цивилизации». Первоначально концепция фронтаира применялась только к американской истории. В последующем частью исследователей она была распространена и на Сибирь.

Однако детальный анализ колонизаций двух обширных регионов выявил и немало существенных различий. Не случайно, что новосибирский исследователь Д. Я. Резун достаточно критично отнесся к выделению поверхностных черт. По его мнению, «общие сравнения американской цивилизации с российской просто некорректны; можно сравнивать разве только Америку с Сибирью, при этом сравнения должны носить совершенно конкретный характер» [11, 136–137].

Возникшие аналогии вновь выводят нас на исследование менталитета пришельцев. Нет сомнения, что на осваиваемые территории переселенцами первоначально переносились только базовые составляющие культуры, без её элитных компонентов. Поэтому значимыми усилиями для переселенцев оказались реставрация духовности и создание образцов для подражания. Данные потребности тесно переплетались с необходимостью самосознания населения, закрепившегося на осваиваемых землях. Ведь чтобы человек порвал с прежней жизнью на прежнем устоявшемся месте недостаточно наличия только экономических или политических причин. Человеческое сообщество отнюдь не является «голой» калькой с социально-экономических процессов. В нем всегда присутствуют субъективные моменты.

Важно понять действие механизмов, «запускающих» перемещения больших масс людей либо начало колонизационного движения. Они оказываются чрезвычайно сложными социокультурными объектами, трудно поддающимися углубленному изучению. Ясно лишь, что накануне колонизации в головах людей присутствовали определенные психические предпосылки. Но они, эти предпосылки, должны были быть принципиально иного качества, чем ранее господствующие стереотипы. Только радикальная трансформация прежнего общественного сознания, а также наличие неких культурно-исторических «довесков», были способны привести к миграциям больших масс людей.

В истории можно найти достаточно примеров доминирования на определенном этапе колонизации именно социокультурных предпосылок. Переселение евреев в Землю Обетованную или строительство колонистами «Града на холме» в Массачусетсе не обуславливались для конкретных личностей исключительно внешним давлением или однозначными экономическими интересами. На новое место жительства переселенцы перемещались не только «от» (нужды, религиозных или этнических притеснений), но и «за» (материальным благополучием, свободой, реализацией на практике новых моральных установлений). Следовательно, на колонизируемых территориях для мышления переселенцев были значимыми возникшие еще в метрополии внутренние побудительные мотивы, причем неважно какие – положительные или отрицательные.

Кроме того, причины колонизационного движения порождались, в числе прочих, некой психической неудовлетворенностью, наличием маргинальных культурных тенденций в пределах метрополии. Субъектами такой «инаковости» могли быть само государство, локальные социумы, конфессиональные общины, пограничные корпорации. Так, центральному европейскому массиву с запада и востока идеологически противостояли православная Святая Русь и островная Англия с ее особым вариантом протестантизма. Европейская маргинальность этих стран была дополнительно усилена их внутренними процессами. Огораживание в

Англии и закрепощение в России в обоих случаях подталкивали население к перемещению за пределы метрополии.

Претензии на особый статус «своего» пространства вели к обострению проблемы греха. Его сакральные оценки нередко изменяли прежние значения на новые, прямо противоположные. Если ранее территория или социум были приемлемы для проживания, то теперь, в головах маргиналов они перевоплощались в сосредоточие пороков. В очередной раз происходила регенерация негативных образов Содома и Гоморры или Вавилонской блудницы. Подобно библейскому Лоту было необходимо, ради спасения, покинуть конкретную грешную землю. Апокалипсические ожидания, характерные для старообрядцев и демонстративная обособленность ряда протестантских конфессий равным образом провоцировали миграционные настроения.

В результате, на осваиваемые территории из метрополии привносились негативные компоненты, ведущие к культурной дезинтеграции. Существовали и дополнительные обстоятельства, ведущие к культурному упадку. Мы полагаем, что его внутренние причины заключаются не только в отрыве колонистов от метрополии или их низком образовательном уровне. Человеческое мышление во все времена сопротивлялось слишком быстрым социальным трансформациям. В условиях же потенциальной внешней угрозы происходила своеобразная коллективная фрустрация, ведущая к регенерации традиционных начал, вплоть до архаики.

Движение в пространстве перевоплощалось, таким образом, во временное угнетение общественной мысли, «не успевающей» за перемещениями мигрантов. Когда человек только еще начинал обустраиваться на новом месте, его поступки во многом были вынужденными и жестко заданными. Естественно, что переселенцы привносили на новые территории прежнее, хотя и отчасти трансформированное, культурное наследие. Однако оно не было немедленно востребовано в полном объеме. Поэтому в их менталитете с неизбежностью возникало противоречие между новациями и ранее приобретенным опытом. Каким образом происходило его снятие относительно образа осваиваемого пространства?

Конечно же, этот процесс не мог осуществляться единовременно, разово. Ведь само очеловеченное пространство достаточно пластично и подвержено исторической эволюции. Но осуществляется она исключительно через человеческую же деятельность. Конкретный регион лишь по мере его освоения раскрывал перед наблюдателями свои свойства. Как и населяющее его сообщество, он всегда многомерен и по-разному предстает перед современниками. Эти изменения, в свою очередь, воздействуют на эволюцию образа региона в общественном сознании. Объективные характеристики пространства, которые исследуются географическими науками, дополнительно осложняются субъективным восприятием.

По мнению А. Пелипенко, «сознание, как и природа, не терпит пустоты. Пространство не может долго пребывать неосвоенным, «хаотизированным» – его необходимо немедленно освоить, обозначить, природнить, отметить его» [10, 66]. Осознание людьми объективности существования того или иного района было напрямую связано с сопредельными территориями. В частности, в России существуют (существовали) несколько областей, начинающихся с приставки «За». Среди них – Заволочье, Заонежье, Залесская земля, Замосковский край, Заволжье, Закамье, Зауралье, Забайкалье. Так, например, название «Заволочье» появилось в летописи под 1078 г. [7, 124]. Что их объединяет?

В первую очередь – причастность к колонизационным процессам. Тобольский исследователь А. В. Бурнашева обоснованно замечает, что «первый этап целенаправленного освоения сибирских земель с конца XVI до середины XVIII в. был связан с формированием комплекса маршрутов. Они брали свое начало в Заволочье – районе слияния рек Северной Двины, Сухоны и Вычегды [1, 22]. Заметим, что образы данных областей эволюционно изменчивы. Они олицетворяют этапы русского продвижения на Восток. Эти же образы фиксируют в общественном сознании начальную инкорпорацию конкретной территории в состав России. В целом она протекала по схеме: миграция – завоевание – присоединение – освоение. Не случайно, что за вышеназванными территориями утвердилось наименование исторических областей.

Во-вторых, в топонимике этих областей до сих пор присутствует некая неполноценность. Ее наличие связано с незавершенностью укоренения пришельцев на данных локальных территориях. У мигрантов и их потомков до конца не сложилось осознания внутренней специфики обживаемых районов. Новые названия пока еще тяготели либо к внешним параметрам, либо к реалиям прошлого. В них отображались уже произошедшие события. Дополнительно фактически объяснялось, с каких, ранее освоенных плацдармов, были присоединены новые области. Так, девушка, недавно вышедшая замуж, не сразу привыкает к новому статусу и к смене фамилии.

В-третьих, окончание «-лье» свидетельствует о слитности множества элементов, что и запечатлено в топониме. Данное слитное множество соответственно предполагает и существование внутренней иерархической структуры. Окончание «лье» также дополнительно говорит о наличии глубины проникновения. Иными словами, в названии такого района фиксируется фактически состоявшееся преодоление одномерности и его двухмерная развернутость в географическом пространстве. Следовательно, конкретный район уже обрел собственные пространства и площади; перестал быть только границей, фронтиром, воображаемой или реальной «засечной чертой».

И, наконец, в четвертых. Данные географические названия запечатлели уже произошедшее смещение линии фронта. Поэтому в содержании топонима недавно обретенного района отмечена уже пройденная граница, за которой он и располагается. Она вполне объективна и отчасти вызвана гетерогенностью географического ландшафта. Ею могут быть реки, их водоразделы или горы. Впоследствии, освоение территории, сопровождаемое раскрытием ее внутренних индивидуальных свойств, обычно вело к замене прежнего «внешнего» названия. Со временем утверждаются такие новые топонимы как Двинская и Нижегородская земли, Пермский край, Урал.

«До XVIII столетия Урала как пространственно-содержательного понятия не существовало – утверждает В. В. Пестерев. – Бытовало наименование Камень, обозначающее границу (абстрактный разграничитель) между метрополией и колонией, что лишний раз показывает отсутствие у него сколько-нибудь протяженного (пространственного) содержания. И лишь в XVIII столетии данная территория уже под именем Урал заявляет о себе как о протяженном и информационно наполненном образовании. Иными словами, именно рубеж XVII–XVIII вв. явился временем действительного открытия Урала, когда пространство, казавшееся до того времени качественно однородным, стало вдруг резко дифференцированным» [9, 25].

Смысловое выделение Урала из состава Сибири поставило вопросы о разграничении этих крупнейших территориальных массивов. До каких пределов простирается собственно Урал и что находится за ним, за Уралом? Оказалось, что весьма сложно ответить, где начинается и где заканчивается эта «заграничная» земля. Ведь до сих пор, в ряде случаев, как синоним Сибири используется топоним «Зауралье». Видимо, его расширительное понимание также вызвано незавершенностью освоения восточных территорий. Данное положение относится как к Сибири в целом, так и к ее отдельным районам. Поэтому и Зауралье (применительно ко всей Сибири), и Забайкалье (применительно только к Восточной Сибири) объективно несут в себе отрицательные смысловые значения.

Для преодоления старой негативной нагрузки и закрепления нового были необходимы некие устойчивые чередующиеся действия, соотношенные с хорошо воспринимаемыми культурными смыслами, закрепленными в социальной памяти. В частности, к ним допустимо причислить миграции, последовательно пересекающие географические, а затем и административные границы осваиваемых пространств. Так, русские переселенцы в Сибирь на своем пути форсировали реку Волгу и Уральские горы. Для европейских колонистов в Северной Америке такими преградами стали Атлантика и Аллеганские горы. Наличие множества преодоленных географических рубежей содействовало лучшему закреплению и осознанию образа новых пространств и его специфики.

Близкие смыслы наличествовали и у населенных пунктов. Поселенческие структуры на колонизируемых землях также отображали изменение потребностей пришлого населения.

Например, остроги и форты служили не только военными укрытиями, но и психологическими границами защищенной и защищаемой территории. Проживание здесь было по силам далеко не всем. Оно возвышало человека в собственных глазах. Это нашло отражение и в сфере общественного сознания. Здесь быстро формировались образы смелых мужественных первопроходцев, пришельцев, героев или, если обратиться к мифическим временам – богатырей.

Искатели приключений, торговцы, охотники, сборщики ясака, как и их предшественники – фольклорные персонажи, – являлись носителями маргинальных начал. Это были, в первую очередь, люди поступка. Они плохо вписывались в формирующиеся общественные структуры на осваиваемых землях. Их мир характеризовался повышенной тревожностью, агрессивным поведением и избыточной энергетикой. Эти качества помогали преодолевать психологический дискомфорт при расставании с метрополией и символически приближали переселенцев к их искомой свободе. Одновременно, благодаря активности этих маргиналов, происходило неуклонное продвижение на Запад и Восток линии фронта.

Как и в прежние былинные времена, первопроходцы не отличались особой коммуникабельностью, толерантностью или склонностью к рефлексии и к компромиссам. Далеко не случайно, что и на новых, практически незаселенных местах, мигранты ориентировались на территориальное обособление, причем не только от аборигенов. Постоянные жалобы на «тесноту» были характерны и для Сибири, и для Нового Света. Защищая свой индивидуализм, свое жизненное пространство мигранты осваивали новые земли. Парадокс, но их стремление к изоляции переплощалось в постоянное приращение цивилизации. Уходя от цивилизации, они же содействовали ее расширению.

Однако и внеэкономическое, и экономическое принуждения к переселению все же неизбежно порождали неизжитое до конца чувство правильности сделанного выбора. Сомнения проявлялись и на осваиваемых землях, но не сразу, а по мере роста благоустройства, комфорта и угасания колонизационных процессов. Заметим, что если колонизационное движение замедлялось, то его энергетика обращалась вовнутрь, становилась негативной. Историкам известны войны между европейскими колониями в Новом Свете и конфликты, вплоть до угрозы применения силы, между сибирскими воеводами в XVII и сибирскими же губернаторами в XVIII вв.

Переселенцы и их потомки были нацелены на предпринимательство и обогащение, аборигены же, напротив, предпочитали те способы жизнедеятельности, которые не подрывали природных ресурсов. В конечном итоге чрезмерная социальная активность новоприбывших угрожала и окружающей среде, и аборигенам, и нормам морали в среде самих первопроходцев. Все это не могло не вызвать у колонистов встречных веяний, усиления духовности, стремления к гуманным социальным отношениям. В первую очередь они были присущи лицам образованным, много испытавшим и пережившим. Дополнительно данная ориентация усиливалась ростом населения и хозяйственными успехами.

В прошлое уходили территориальное обособление и постоянные миграции. Стабильное существование вело к трансформации мест проживания. В идеале временное военное или полувоенное пристанище сменялось городом, тяготеющим к вечности. Городу принадлежала, да и до сих пор принадлежит, важнейшая роль и в благоустройстве, и в исторической эволюции конкретных территорий. Именно город формировал экономический каркас системы расселения и образ осваиваемого пространства. Этот образ мог быть положительным или отрицательным, но, как правило, он стремился к абсолютному.

Причина подобного стремления кроется в гетерогенности городской природы и наличия у города сакральных свойств. Города воспринимались как посредники между непохожими мирами, их уменьшенные копии, точнее – иконы. В качестве объемных икон, они отображали в религиозном сознании идеальное мироустройство, которого следовало достичь на осваиваемых землях. Города могли быть и антииконами, концентрирующими в себе негативные образы греховного пространства. Таким образом, генезис городов на осваиваемых землях вновь запускал и процессы трансформации их образов. По нашему мнению, важней-

шими из них, помимо упоминаемого богатырского образа, были образы жреца, палача, актера и грешника [2, 46-52].

Итак, попытка расстаться с прежними представлениями оказалась не вполне удачной. Мигранты, стремясь минимизировать психологические потери, привносили на новое место жительства привычные для них стереотипы. Возникла своеобразная ментальная «приватизация» уже фактически утерянного багажа. Она касалась не только городов. Применительно к Северной Америке это были собственнические колонии. Их владельцы явно воспроизводили социальные отношения, более характерные для феодальной эпохи.

Возможно, и для Сибири существовала альтернатива на длительное время стать архаичным вольным казачьим краем под управлением дружины Ермака. Иногда признание консервативных, уже устаревших, отношений сохранялась официальной властью и за правами аборигенов. На востоке Московского государства некоторое время сохраняли особый вотчинный статус Башкирия, Кодское, Обдорское и Бардаково княжества, некоторые другие территории.

Архаичная система управления, совмещенная с плохой организацией миграционных процессов, провоцировала скептическое отношение к колониям. Сплошь и рядом переселение воспринималось в метрополии, особенно в среде «верхов» только негативно, как вызов власти и порча подданных. Для регулярного полицейского государства малоосвоенные земли были досадным исключением из правил, неким недоразумением, которое требовалось привести в норму, цивилизовать и окультурить. Если такие попытки оказывались малоуспешными, то и ценность приобретенных территорий считалась весьма сомнительной. Нередко колонии служили и не по своему прямому назначению – они выступали противовесом для других держав или средством для поднятия престижа собственного государства.

Данное положение отчасти объясняет, почему Швеция и Голландия не использовали предоставленные историей возможности для колонизации Северной Америки или сравнительно легкое расставание Англии с североамериканскими колониями, Франции с гигантской Луизианой и России с Аляской. И напротив, оно же раскрывает политическую игру Екатерины Великой, которая, приглашая иностранцев в Россию, откровенно руководствовалась и культуртрегерскими целями. Во всех вышеназванных случаях присутствовали элементы ситуационного выбора, той неопределенности, которая и обуславливает свободу человеческих поступков, как тех, кто предпочитал эмигрировать, так и тех, кто оставался в метрополии.

Переселение в Северную Америку в значительной мере одухотворялось религиозными мотивами. Данные мотивы обосновывались теми или иными теологическими доктринами. Заметим, что эти доктрины были уже далеки от принципов раннего христианства. Они формировались в бурную эпоху Возрождения и Реформации. Именно тогда в рамках европейской цивилизации начали доминировать толерантность и развитие индивидуализма. В конечном итоге этническая, конфессиональная и государственная принадлежность перестали играть определяющую роль у европейских пилигримов. Теперь был важен не социальный статус, а личностное начало. Соответственно, и сама Америка колонистами воспринималась как начало их подлинного бытия.

Достижение этого вновь обретенного бытия, «Дома Господня», порождалось, по мнению переселенцев, лишь их свободными усилиями. Реализация воли переселенцев осуществлялась через труд, легитимацию насилия и обретение собственности (поневоле вспоминаются исторические условия, при которых складывалось римское право). Происходило превращение прежних грешников и неудачников в избранный народ, который многого добился и многое себе позволял. В частности оформилось (фактически и юридически) право на репрессивные санкции в отношении тех, кто не принадлежал к лону европейской цивилизации. Как известно, в последующем данные умонастроения оформились в американскую доктрину «предопределения судьбы».

Следовательно, освоение Северной Америки протекало достаточно быстро и с привычной для исторической эволюции последовательной сменой образов пространства. Героиче-

ская «богатырская» аура фронта была быстро вытеснена на периферию, на Запад, более комфортными городскими культовыми, приходскими образами. Далее, закономерно, у городов появились и иные приземленные образы, вплоть до регенерации греховного пространства. Но произошло это позднее, после завершения фронта, уже в индустриальную эпоху.

Иное положение было в Сибири. Здесь присутствовал эффект торможения исторических процессов и, соответственно, формирования местных образов. «Россия, выйдя на уральские рубежи и перешагнув за Камень, – замечает Д. Н. Замятин, – воспроизводила такие образы с известной ментальной отсрочкой, с некоторым историко- и геософским «запозданием». Сначала ориентируясь на классические образы колонизации с сакрально-мифологическим и библейско-христианским подтекстом, а затем уже на профанизированные «светские» образы сниженной европейской колонизации, обустроившей «островки уюта и комфорта» среди «моря» диких или слабо освоенных пространств» [5, 14].

В регионе ощущался не столько непреодолимый разрыв с метрополией, сколько местное отставание от общероссийских изменений. Сибирь оценивалась или положительно, или отрицательно, но одно обстоятельство оставалось неизменным. Она представлялась некой окраинной землей, той стороной, которая достаточно далека от настоящей (плохой или хорошей) цивилизации. Поэтому в образе Сибири оказались запечатлены инфантильные черты: считалось, что она нуждается в опеке и должна быть ограждена от конкуренции извне.

И действительно, очень долго Сибирь отставала от Европейской России абсолютно: и в развитии феодализма, и в развитии капитализма. Но ее хозяйственное, культурное, а в предельном основании и цивилизационное освоение не сводилось к поступательному линейному продвижению по оси «запад-восток». Крупные культурные центры формировались в Сибири вне зависимости от их близости к европейской территории. Так значимость городов Омска, Иркутска, Томска, Тобольска в основном определялась не их меридиональным географическим положением, а наличием административных функций.

Впрочем, вынужденная задержка в историческом развитии региона объясняет далеко не все. Еще одна причина заключается в том, что в Сибири генезис и чередование образов происходили в иной последовательности, чем в Америке. Полагаем, что отечественный «фронт» имел своеобразную конфигурацию. Его линии были мало связаны с вектором «Запад – Восток». Они достаточно быстро перестали разделять прибывших и аборигенов, сместившись в иную плоскость.

В Сибири происходила не столько встреча дикости и цивилизации, сколько неоднозначное взаимодействие традиционных культур и привносимой в регион культуры Нового времени. Если представители традиционных культур (как аборигены, так и русские) пытались сохранить (и отчасти сохраняли) свой прежний уклад, то государство и индустриальное общество «идущие» и из-за Урала, и из местных сибирских административных центров, напротив, навязывали им новые цивилизационные устои. Отсюда проистекают и специфические черты исторической эволюции сибирских образов.

Чтобы обосновать данное утверждение, необходим предварительный учет ряда компонентов духовной культуры переселенцев в Сибирь. Ее важными составляющими были государственная, конфессиональная и этническая принадлежность. Принадлежность к государству определялась выполнением военных и тяглых обязанностей. Разумеется, Российское государство доминировало в колонизационных процессах (знаменитая дискуссия о вольнонародной колонизации во многом надумана). Но само государство в этот период уже начало терять сакральный образ Святой Руси. Постепенно, в ходе исторического развития он перевоплощался в свою противоположность.

Не менее сложная картина была с двумя другими составляющими. Российская колонизация не одухотворялась религиозными мотивами. В народной памяти не укоренялись образы первопроходцев как христианских подвижников или организаторов борьбы с язычеством. Православная церковь при продвижении русских на Восток была достаточно пассивной и не получила ощутимых выгод от освоения её паствой обширных пространств.

С чем это было связано? Выделим некоторые причины: гипертрофированная роль государства, подчинившего церковь; относительно мирный характер заселения, содействовавший веротерпимости; кризис православия – объективно борьба со старообрядцами связывала руки духовной и светской администрации и препятствовала широким репрессивным акциям против нехристиан.

Религиозное чувство у переселенцев оказалось подвержено мощному воздействию со стороны новых реалий. При взаимоотношениях с местным нехристианским населением русские колонисты были лишены возможности в полной мере реализовать чувства народа-победителя. В переселении участвовали, помимо русских, народы Поволжья и Западного Приуралья, пленные – немцы, «литва», а позднее и шведы. И новоприбывшие, и местные жители в социальной иерархии занимали места вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности. Простор для межэтнических контактов размывал основы национального самосознания.

Соответственно и сопротивление культурной экспансии также оказалось неявным, завуалированным. Иностранцы, успешно используя социально-этническую мимику, демонстрировали якобы присущие им ограниченность, «детскость» поведения, его необязательность, условность, что импонировало добродушному эгоизму «большого брата». Превосходство, проявлявшееся через иронию, смех, привело к тому, что переселенцы перестали осознавать себя субъектами, полностью относящимися к сакральному миру Святой Руси. Она, эта Русь, если и существовала, осталась на Западе, за Уралом.

Новые места жительства, не обладая всеобъемлющей святостью, оказались лишены религиозного ореола. Они были полны греха, «обасурманены», более того, их сакральность имела отрицательное значение. По средневековым воззрениям за Уральскими горами были заключены библейские «нечистые» народы Гог и Магог. Не случайно, что Урал, как маргинальная зона, находящаяся на грани цивилизованного мира, представлялся людьми того времени как край чудес. Это был вход в преисподнюю – ни больше, ни меньше [6, 89-92]. Итогом такого восприятия осваиваемых пространств было сужение сферы действия христианских норм, необязательность их строгого исполнения.

Нечто подобное происходило и в церковной жизни. Следствием слабости официальной церкви была более низкая, чем в метрополии степень соблюдения религиозных норм. Расходы на строительство храмов, предназначенные улучшить положение, несли в основном прихожане. Кругозор большинства из них был достаточно узок, он ограничивался местными запросами. Ориентация на удовлетворение первоочередных потребностей вела к уменьшению авторитета клира. Тройная зависимость от вышестоящих церковных и светских властей и от собственных прихожан оборачивалась для священников утратой сакрального ореола, формальным исполнением заказанных обрядов, двусмысленностью положения.

«Процесс первоначального этапа колонизации Сибири, – замечает петербургский исследователь М. Р. Маняхина, – сопровождался духовно-нравственным падением первопроходцев. Институт государственной власти на первоначальном этапе не обеспечивал регуляцию важнейших систем функционирования сибирского общества, что предоставило первым поселенцам полную свободу во всех сферах их жизнедеятельности – от интимной до общественной. Это объяснялось также рядом обстоятельств субъективного характера. Многие первопроходцы были носителями сомнительных морально-нравственных ценностей. Они по своему трактовали такие понятия как долг, стыд, честь, совесть» [8, 33].

Положение мало изменилось и в последующие времена. П. А. Словцов, описывая факты XVII в. и намекая на современные ему негативные реалии, замечал «что Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область» [12, 155]. Развивая данную мысль, Н. М. Ядринцев задавался вопросом, насколько долго продлится период безмолвия. Он считал, что к концу XIX в. Сибирь вполне доросла до институтов гражданского общества.

«Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, – отмечал исследователь, – мы видим период завоеваний, покорений, усмирений, бунтов, далее период колонизации, засе-

ления, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа.

Между тем вложить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающихся на очереди. В настоящую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя миллионами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил; гражданские и образовательные потребности в этих стремлениях начинают занимать известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории» [13, 447–448].

Н. М. Ядринцев, европейски образованный областник и несомненный патриот Сибири, в данном высказывании зафиксировал не только ее современное положение, но и отголоски прежнего негативного отношения к этой обширной территории. Сместе предположить, что длительное восприятие Сибири в качестве территориальной и нравственной утраты истинного бытия (Святой Руси, «Дома Богородицы») не могло исчезнуть в одночасье. Первоначально регион оценивался как пространство, враждебное христианину, затем, по мере приобщения России к западноевропейской цивилизации, – как оплот «азиатчины» и нездорового консерватизма.

Суровые сибирские условия постоянно провоцировали переселенцев к «огрублению нравов». Фактически данное огрубление было способом негативного выявления скрытых возможностей человека. Однако при этом человек обретал не свободу (от деспотического государства или свободу предпринимательства), но только лишь частичную реализацию воли, своего нрава как стихийных дохристианских и догосударственных начал. Пребывание человека за Уралом воспринималось либо как неполноценное греховное существование, либо как вынужденная, не всегда оправданная мера. Да, в Сибирь бежали (или переселялись), но и из Сибири бежали: на запад и даже на восток. Легенды о Беловодье и Опономском царстве, равно как и феномен бродяжничества, свидетельствуют о несостоятельности «сибирской мечты».

Населением Сибирь оценивалась и как золотое дно, и одновременно, как греховное пространство. Она так и не смогла избавиться от отрицательных значений в своем облике. В первую очередь негативными чертами обладали опорные центры русской колонизации – города. Будучи военно-административными центрами, они концентрировали в себе недоброжелательство окружающего населения. Именно с ними связывалось фальшь недобросовестного чиновничества и нарастающее угнетение регулярного государства.

Напротив, места святости располагались преимущественно вне городов, в «пустынях». Данная локализация была особенно характерна для мира старообрядцев и представителей сектантских течений. Только много позднее, в светском и в советском вариантах индустриальные города стали восприниматься как центры духовности, противостоящие сельской обыденности. Схожие изменения происходили и с образами первопроходцев. За исключением Ермака они не получили широкой известности. Возможно, это было связано с неразвитостью индивидуальных начал у русских переселенцев.

Характерно, что в сибирском фольклоре оказались широко представлены вторичные по отношению к колонизационному движению образы разбойников, беглых, бродяг, силачей, ямщиков, рабочих горных заводов. Эти люди отнюдь не распространяли привычную европейскую цивилизацию на аборигенные территории. Поневоле они жили внутри нее, противостояли ей и страдали от ее недостатков. Не зафиксированы в народных преданиях и положительные образы сибирских предпринимателей.

Лишь много позднее утвердились иные «богатырские» образы. Это сотрудники научных экспедиций, строители Кузнецка, Комсомольска-на-Амуре, участники боевых действий на Хасане, Халхин-Голе и Даманском, геологи, разработчики нефтяных и газовых месторож-

дений. И только вслед за ними на сферу общественного сознания начали проецироваться уже далекие фигуры русских первопроходцев Сибири. Увы, до сих пор они выглядят блекло и невыразительно.

Итак, сибирским архаичным образам по времени предшествовали их собратья более позднего «европейского» происхождения. Применительно к региону допустимо зафиксировать эффект инверсионной генерации образов и даже их цикличности. Отечественные особенности колонизации периферийных территорий и жесткая политика государства вели к неразвитости местной общественной жизни, что отразилось на заимствовании и эволюции «пришлых» образов. Однако, надежды на сохранение в новых условиях старых, выгодных для определенных страт социальных норм (а с ними соответствующих образов и мифов) оправдались не полностью.

Попытки укоренения старого, равно как и попытки насаждения нового, причудливо искажали складывающуюся действительность. Когда реальное пространство было малоизучено и почти не очеловечено, существовали различные варианты его осознания и, соответственно, освоения. Поэтому образы такого пространства подвергались деформациям под воздействием стабильных или быстро устаревающих стереотипов.

Сибирь была и воспринималась почти исключительно как продолжение качественных характеристик Европейской России, ее плюсов и минусов. Развитие же Северной Америки пошло по иному сценарию. Англичане, ирландцы, шотландцы, немцы, голландцы, шведы и иные представители европейских этносов, относящихся к десяткам конфессий, радикально изменили собственный образ, признав себя американцами. Разрыв оказался лучшим выходом, чем сохранение ориентации на столь разнообразное заокеанское прошлое, оставленное в портах, после погрузки на палубу кораблей.

Хотя в каждом из регионов колонисты поступили именно так, а не иначе, осознание миграционных движений и порожденных ими образов пока еще далеко от завершения. Чтобы понять, чем руководствовались в своих поступках переселенцы, необходим учет множества факторов и использование междисциплинарных подходов. Это и применение исторических альтернатив, и компаративистского анализа, и, конечно же, теории фронта. Однако вышеизложенные подходы с необходимостью требуют определенной адаптации. И естественно, что при исследовании Сибири должна быть востребована оценка соприкосновения культур, отличная от американской.

Литература

1. Бурнашева А. В. Ценность смыслового контекста культурного ландшафта // Методологические проблемы исторического познания: межвуз. сб. научн. тр. Омск, 2010. С. 21–26.
2. Ершов М. Ф. Жертвы города в очеловеченном пространстве // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 46–52.
3. Ершов М. Ф. Политика государства, культура населения и формирование региональной структуры Зауралья // Зауралье в панораме веков. Межвуз. сб. научн. тр. – Курган, 2005. С. 48–79.
4. Ершов М. Ф. Социокультурное единство городов Зауралья на пути в Сибирь // Русский путь в Сибирь : мат. межрегион. науч. конф. Ирбит, 2006. С. 27–32.
5. Замятин Д. Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. Приложение «НГ–наука». 2010. от 22. 09. С. 14.
6. Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. № 9. С. 89–92.
7. Макаров Н. Славянский север: новый культурный ландшафт // Родина. 2006. № 4. С. 124–127.
8. Маняхина М. Р. Девиантные проявления в нормативной сфере культуры Сибири в начале XVII в. как предпосылки учреждения Тобольской епархии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв.: сб. мат. межрегион. науч. конф. Курган, 2004. С. 33–39.
9. Пестерев В. В. Этногеографические стереотипы как фактор колонизационных процессов (на примере промышленного освоения Урала // Емельяновские чтения. Миграционные процессы и

межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Мат. Всеросс. научно-практ. конф. Курган, 2008. С. 24–25.

10. Пелипенко А. А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания // Человек. – 1994. № 4. С. 58–76.
11. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления истории фронта в Сибири и Северной Америке XVII–XVIII вв. // Американские исследования в Сибири : мат. Всеросс. науч. конф. «Американский и Сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 5. С. 135–145.
12. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. 512 с.
13. Ядринцев Н. М. Соч.: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, 2005. 480 с.

References

1. Burnasheva A. V. Cennost' smyslovogo konteksta kul'turnogo landshafta // Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznanija: mezhvuz. sb. nauchn. tr. Omsk, 2010. S. 21–26.
2. Ershov M. F. Zhertvy goroda v ochelovechennom prostranstve // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011. № 1. S. 46–52.
3. Ershov M. F. Politika gosudarstva, kul'tura naselenija i formirovanie regional'noj struktury Zaural'ja // Zaural'e v panorame vekov. Mezhvuz. sb. nauchn. tr. Kurgan, 2005. S. 48–79.
4. Ershov M. F. Sociokul'turnoe edinstvo gorodov Zaural'ja na puti v Sibir' // Russkij put' v Sibir'. Mat. mezhregion. nauchn. konf. Irbit, 2006. S. 27–32.
5. Zamjatin D. Metageograficheskie obrazy Sibiri // Nezavisimaja gazeta. Prilozhenie «NG– nauka». 2010. ot 22. 09. S. 14.
6. Lipatov V. Konec sveta: Ural'skij kraj v fol'klоре i literature // Rodina. 2003. № 9. S. 89–92.
7. Makarov N. Slavjanskij sever: novyj kul'turnyj landshaft // Rodina. 2006. №4. S. 124–127.
8. Manjahina M. R. Deviantnye pojavlenija v normativnoj sfere kul'tury Sibiri v nachale XVII v. kak predposylki uchrezhdenija Tobol'skoj eparhii // Dejatel'i social'no-jekonomicheskoi, obvestvenno-politicheskoi i duhovnoj zhizni Urala i Zaural'ja XVII–XX vv.: Sb. mat. mezhregion. nauchn. konf. Kurgan, 2004. S. 33–39.
9. Pesterev V. V. Jetnogeograficheskie stereotipy kak faktor kolonizacionnyh processov (na primere promyshlennogo osvoenija Urala // Emel'janovskie chtenija. Migracionnye processy i mezhjetnicheskie vzaimodejstvija v Uralo-Sibirskom regione : mat. Vseross. nauchno-prakt. konf. Kurgan, 2008. S. 24–25.
10. Pelipenko A. A. Kul'turnaja dinamika v zerkale hudozhestvennogo soznanija // Chelovek. – 1994. №4. S. 58–76.
11. Rezun D. Ja. O nekotoryh momentah osmyslenija istorii frontira v Sibiri i Severnoj Amerike XVII–XVIII vv. // Amerikanskije issledovanija v Sibiri : mat. Vseross. nauchn. konf. «Amerikanskij i Sibirskij frontir». Tomsk , 2001. Vyp, 5. S. 135–145.
12. Slovcov P. A. Istorija Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II. – M., 2006. 512 s.
13. Jadrincev N. M. Soch.: T. 1. Sibir' kak kolonija: Sovremennoe polozenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i buduwee. Tjumen', 2005. 480 s.